

УДК821.161.1
ББК 83

ПРИЕМЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

Воронов Евгений Игоревич

Аспирант кафедры литературы и журналистики
Волгоградский государственный университет
vevgenij@yandex.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринят анализ топоса литературной среды в творчестве отечественных писателей XX в. (И. Ильфа и Е. Петрова, М. Булгакова, Е. Попова и Ю. Полякова), который позволяет увидеть взаимосвязь между произведениями, принадлежащими разным традициям литературы XX века.

Ключевые слова: топос, постмодернизм, мифологизация, ирония, культурное пространство.

В современном литературоведении проблема неоднородности топоса отечественной литературы XX в. связывается с разобщенностью исторически сложившихся в ней эстетических и аксиологических принципов художественного освоения действительности, обусловленной, в частности, идеологическими противоречиями, типичными для взаимодействий художника с властью в российском культурном пространстве ушедшего столетия [13; 14; 16]. Изучение топоса литературной среды в его диахронии способно, как нам кажется, привнести новый ракурс во взгляде на эту проблему, еще не получившую широкого научного освещения, но затронутую в работах отдельных исследователей [1; 14].

Согласно утверждениям В.Е. Хализева, в литературном творчестве неизменно присутствуют формальные и содержательные константы мировой литературы, то есть топосы, которые составляют фонд преемственности, обеспечивающий, в числе других составляющих, непрерывность литературного процесса (топосы дороги, дома, детства, смерти, тюрьмы, моря, садово-парковый и т. д.) [15].

В русской прозе XX в. упрочились новые топосы, связанные с художественным освое-

нием внутреннего мира человека в его многоплановых связях с окружающей реальностью, в их числе *топос литературной среды*, под которым мы, опираясь на определение В. Хализева, понимаем фабульно-тематический компонент прозаических произведений, посвященный изображению людей и общественных явлений, имеющих отношение к литературному творчеству и издательству. Литературная среда (в некоторых случаях – околосредовая) чаще всего обнаруживает себя как объект сатирического обличения в отечественной литературе советской эпохи. И на основании этой закономерности может квалифицироваться как топос.

По мнению М. Бахтина, топос – это часть хронотопа, который определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности. Следовательно, хронотоп всегда является аксиологически значимым, так как помимо сюжето- и жанрообразующей функции, соотносится с историко-культурным опытом социума [4], отражая и сохраняя константы общественного сознания, в результате чего и реализуется преемственность в рамках обусловленных традиций: «...Топос... содержит

различные смыслы, составляющие впоследствии его парадигму, сохраняет их и передает новому творческому сознанию, ... он действительно входит в систему культуры как ее феномен и не должен рассматриваться в отрыве от нее» [4, с. 14].

Литературная среда (поскольку устойчивого термина нет, можно назвать ее и окололитературной и литературно-журналистской, учитывая широту понятия) обнаруживает себя как объект сатирического обличения в советских произведениях, созданных в различные периоды. Этот топос оказывается актуальным в романной дилогии и фельетонах И. Ильфа и Е. Петрова (самые ранние – фельетоны 1929 г. «Бледное дитя века» и «Великий лагерь драматургов»), в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (создавался в 1930-х гг.), в постмодернистском романе-комментарии «Подлинная история зеленых музыкантов» Е. Попова (впервые опубликован в 1999 г., но содержательно полностью основан на рассказе 1974 г.), в повести В. Войновича «Шапка» (1987 г.), в романе Ю. Полякова «Козленок в молоке» (1995 г.) – эти произведения, разделенные порой несколькими десятилетиями, позволяют судить о том, насколько значимым и органичным компонентом является тема литературной среды для той части отечественной литературы XX в., которая ориентирована на сатиру. В этих произведениях литературная среда так или иначе изображалась как некое замкнутое явление, активизирующееся при взаимодействии с неким внешним раздражителем. Обращает на себя внимание тот факт, что даже у Ильфа и Петрова, выделяющихся из ряда рассмотренных авторов политическими взглядами, обнаруживается именно такая образно-сюжетная модель. Например, в романе «12 стульев» редакция газеты «Станок» отвлекается от работы, удивленная профанством Ляписа точно так же, как МАССОЛИТовцы отрываются от еды, удивленные видом прозревшего Бездомного; подобным же образом происходит оживление среди членов писательского сообщества, изображенного в «Козленке в молоке», подверженных ажиотажу вокруг перспективного молодого автора Виктора Акашина.

Важно, что именно окололитературная тематика, на наш взгляд, мифологизируется в

традиционной литературе и демифологизируется в литературе постмодернистской. Проиллюстрируем сказанное.

И. Ильф и Е. Петров в своих фельетонах и романной дилогии при изображении литературно-писательской среды неизменно обращаются к сатирическому модусу в его традиционном понимании. Они используют сатиру для обличения поведения или какого-либо факта действительности, неприемлемого для общества. В их картине мира социальные и общечеловеческие идеалы отождествляются, вследствие чего чиновники (номенклатурщики) и халтурщики от литературы интерпретируются как отклонение от общечеловеческой нормы. Хотя советская власть и официальные литературные организации 1920–1930-х гг. нередко высказывали негативное отношение к сатире как таковой, дуэт Ильфа и Петрова продолжал освещать социальную проблематику в ключе гражданского, общегуманистического пафоса. Авторы не стремятся установить оппозицию между правильной и неправильной социокультурной моделью, они принимают социалистическую парадигму метафизически как некую данность, а обличаемые в своей сатире явления и типажи показывают как фрагментарные, не обладающие реальной значимостью и поэтому интерпретируемые как исключения из правил. Вывод: Ильф и Петров с помощью приемов традиционной сатиры закрепляют в литературном процессе тему литературной среды в качестве топоса – общего места, обеспечивающего преемственность в литературном процессе [15].

В «закатном романе» М. Булгакова этот топос актуализируется как полностью негативное явление, противное самой человеческой душе. Обличение здесь обретает не столько социальный, сколько трансцендентальный пафос: ответственность обличаемые несут не перед обществом, а перед гуманистическими идеалами, заданными автором (идеалы творчества, идеалы личности). С одной стороны, такая актуализация очевидно контрастирует с актуализацией этого топоса в творчестве Ильфа и Петрова. И, соответственно, обращается к другим художественным приемам, дополняющим и частично трансформирующим сатирический модус художественности [7; 8]; в первую очередь, к мифологизации.

Но с другой стороны, не менее очевидна устойчивость, художественная цельность этой тематической константы – тема писательской среды занимает значительное место в сюжете романа, играет важнейшую роль в московском плане изображенной реальности. Отсюда следует вывод, что несмотря на аксиологические и художественные различия в изображении литературной среды, этот топос не только не теряет целостность, а эволюционирует, выходит на новый уровень художественного осмысления. Так, в творчестве Булгакова он мифологизируется и становится частью художественного пространства романа. Показанный в романе бестиарий литераторов живет по собственным законам, формируя собственное бытие, обладает пространственными привязками, обнаруживает параллели с ветхозаветными и евангельскими мифологемами. Например, здание МАССОЛИТа разрушается, подобно Иерусалимскому Храму, чтобы быть замененным. Обитатели этого здания активизируются в ночное время суток, подобно нечистой силе, их основная деятельность – стяжательство и чревоугодие. Топос литературной среды в изображении М. Булгакова приобретает художественную целостность и значимость и, что немаловажно, сам становится мифологемой – специфика пространственного изображения закрепляет среду обитания литераторов в мифологически завершенной картине Москвы.

Во второй половине XX в. многие концепты советской культуры становятся, как правило, объектом деконструкции, травестийного пародирования в постмодернистских текстах. Именно по такому принципу трансформируются, на наш взгляд, черты традиционной советской литературной среды в произведениях Евгения Попова «Подлинная история Зеленых музыкантов» и «Козленок в молоке» Юрия Полякова. При анализе текстов названных авторов мы выяснили, что процесс трансформации соцреалистического дискурса в прозе этих авторов проходит следующие этапы:

– обнажение мифологизма соцреалистического дискурса в результате деконструкции его главного сюжетного ядра – мифологемы (прямое, не зашифрованное художественно, обличение фальши соцреализма Поповым в комментариях; сама возможность осуществ-

ления анекдотичной аферы с несуществующим текстом у Полякова);

– деформация стилевых приемов, приводящая к тому, что «дискурсивная» власть переводится во власть насильственную, телесную, сексуальную, а образы, воплощающие эту власть, вызывают у читателя отвращение (рассуждения об идеологических доктринах и общественной жизни у Попова поданы прямым текстом, в виде публицистических комментариев; портреты номенклатурных литераторов у Полякова изображены как наборы комичных стереотипов);

– стилистическая и сюжетная дискредитация социалистической культурной парадигмы, в результате которой происходит обнажение абсурдности соцреалистического культурного поля (литературный кружок в «Подлинной истории» состоит из карикатурных, масочных персонажей; буфет Дома литераторов, занимающий в тексте больше места, чем остальные связанные с литераторами локусы, или история Чурменявых, три поколения подряд занимавших дачу в писательском поселке, имевших при этом крайне опосредованное отношение к литературе, у Полякова).

Конфликт периферии и центра, конфликт живого творчества и номенклатуры разрешается Поповым через разрушение ценностей и советских культурных концептов: метатекстовые комментарии выполняют функцию деструктуризации и снижения советского мифа на всех уровнях – на лексико-стилистическом и на содержательном. Это происходит следующим образом: рассказывая о контрасте между живой сибирской (периферийной) и официальной московской (центральной) моделью поведения, Попов в то же время открыто говорит о несостоятельности советской культурной и общественной модели, прямым текстом приводя воспоминания из жизни, факты из общественного и бытового уклада: «Это и есть та самая духовность, когда ничего нет, кроме Духовности: билетов нет, автомобилей нет, одежды нет, лекарств нет, книг нет, баня раз в неделю» [12, с. 166].

Аналогичным образом демифологизируется интересующий нас концепт литературной среды – он травестируется в подставном (то есть не конфликтующим открыто с советской культурной парадигмой) рассказе о молодом

писателе и открыто обличается в комментариях. Иными словами, топос литературной среды в «Подлинной истории Зеленых музыкантов» Е. Попова переживает полную деэстетизацию: в метатексте он не отделяется от рассуждений, воспоминаний, сопоставляется с маргинальной культурой. Он сохраняет статус тематической константы, но из художественного компонента превращается в концепт сниженного, лубочного свойства – теперь он актуализуется в контексте рассуждений о бытовых вопросах, в контексте противоречия между живостью народа и фальшью власти: «По мысли поэта, эти грядущие мальчики заплачут не оттого, что большевики разорили их страну, а от печали, что родились слишком поздно и физически не могут вместе с большевиками раскулачивать крестьян, давить “попов и белогвардейцев”, клеймить “вредителей”, воевать Финляндию и так далее. Такие стихи писались тогда юной “красной интеллигенцией” “по велению сердца”, что, на мой взгляд, еще хуже, чем по заказу или из-под палки» [12, с. 298].

«Козленок в молоке» Ю. Полякова подводит своего рода черту под историей изображения советской литературной среды. Ее уже и нельзя назвать литературной – персонажи, номинально являясь писателями и литераторами, в действительности занимаются лишь актуализацией той или иной социальной ниши (например, первый секретарь Союза писателей Горынин, написавший в прошлом, единственное произведение, за которое был всячески обласкан властью, занимается лишь оказанием материальной помощи посещающим его литераторам). В конечном счете, литературная среда не только разрушает сама себя – она служит косвенной причиной разрушения общества, в котором существует. Безымянный герой-рассказчик, его марионетка Акашин и бессмысленные фразы, которыми они оперируют для достижения своей цели, вызывают цепную реакцию, приводящую к распаду Советского Союза. Следовательно, топос литературной среды в романе «Козленок в молоке» актуализуется через собственное уничтожение на всех уровнях. В том числе и на стилевом – стиль автора можно охарактеризовать как скетчевый, анекдотический. Таким образом, освещенные в романе

концепты дефрагментируются и из полноценных социокультурных концептов превращаются в информационный шум.

Подведем итоги. Прежде всего, в сатирически ориентированных произведениях XX в. журналистско-литературная среда, как правило, изображается как замкнутый, автономный участок художественного пространства, обладающий следующими особенностями: законы бытия внутри этого участка отличаются от законов внешнего художественного мира, а его функционирование характеризуется цикличностью и/или статичностью нарушаемых в результате контакта с элементами внешнего художественного мира.

Кроме того, в неоднородной топике отечественной литературы XX в. топос литературной среды отражает динамику эстетических и аксиологических координат литературного процесса, а именно: социальный пафос произведений Ильфа и Петрова, процессы карнавализации и мифологизации действительности у Булгакова, деэстетизация и деконструктивизм в художественной парадигме писателей-постмодернистов.

Следующий важный момент: тематика литературно-писательской среды, мифологизируемая в традиционной литературе, демифологизируется, деконструируется в литературе постмодернистской, а следовательно, изображая один из компонентов советской социокультурной парадигмы, отражает и изменения его освещения в художественном пространстве. Таким образом, литературная среда как тематическая константа может рассматриваться в качестве интегрирующего компонента в неоднородной топике отечественной литературы XX в., объединяя различные авторские художественные системы.

Суммируя все вышесказанное, мы можем заключить, что тематика писательской среды отражает динамику литературного процесса. Исходя из этого, ее можно действительно охарактеризовать как «живой», актуальный в свое время топос. Слово «живой» взято в кавычки, поскольку все-таки этот топос относился к литертаурно-журналистской среде советского времени – он обращается к мифологемам и симулякрам, порожденным именно советской эпохой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баринаева, Е. Е. Метатекст в постмодернистском литературном нарративе: А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов / Е. Е. Баринаева. – Тверь, 2008. – 248 с.
2. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
4. Бахтин, М. М. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин. – М.: Наука, 1979. – 416 с.
5. Булгаков, М. А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита; Повести; Рассказы / М. А. Булгаков. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 654 с.
6. Булгакова, А. А. Топика в литературном процессе / А. А. Булгакова. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2008. – 108 с.
7. Воробьева, С. Ю. Многоуровневая структура текста как модель его целостного восприятия и анализа / С. Ю. Воробьева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2. – С. 90–93.
8. Воробьева, С. Ю. Семиотический анализ художественного текста / С. Ю. Воробьева // Слово – образ – текст – контекст: материалы Всероссийской научно-методической конференции «Сло-

во – образ – текст – контекст». г. Одинцово Московской обл., ОГИ, 24–25 мая 2011 года. – Одинцово: АНОО ВПО «Одинцовский гуманитарный институт», 2012. – С. 16–20.

9. Ильф, И. Собрание сочинений: в 5 т. / И. Ильф, Е. Петров. – М.: ГИХЛ, 1961. – Т. 2: Золотой теленок. Рассказы. Очерки. Фельетоны (1929–1931). – 1961. – 560 с.

10. Поляков, Ю. М. Козленок в молоке / Ю. М. Полякова. – М.: Росмэн, 2004. – 368 с.

11. Полякова, Н. А. Формы представления советской культуры в прозе российского постмодернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Полякова. – Тверь, 2011. – 158 с.

12. Попов, Е. Подлинная история «Зеленых музыкантов» / Е. Попов. – М.: Вагриус, 2003. – 335 с.

13. Пудова, А. С. Геокультурный топос в лирике Бориса Пастернака (на примере стихотворения Петербург). / А. С. Пудова // Вестник Тюменского государственного университета – 2010. – № 1. – С. 232–238.

14. Хабутдинова, Н. Н. Топос Казани в творчестве Аяза Гилязова / Н. Н. Хабутдинова // Филология и культура. – 2012. – № 1(27). – С. 136–141.

15. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 110 с.

16. Цветова, Н. А. Эсхатологическая топика в русской традиционной прозе второй половины XX – начала XXI вв. / Н. А. Цветова. – Архангельск, 2011. – 295 с.

WAYS OF LITERATURE SPHERE REPRESENTATION IN WORKS BY RUSSIAN WRITERS OF THE XXTH CENTURY

Voronov Evgeniy Igorevich

Postgraduate Student, Literature and Journalism Department
Volograd State University
vevgenij@yandex.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volograd, Russian Federation

Abstract. The article contains analysis of topos of literary sphere in works by I. Ilf and E. Petrov, V. Bulgakov, E. Popov and Y. Polyakov that allows revealing a connection among different tradition of literature of the XXth century.

Key words: topos, postmodernism, mythologisation, irony, cultural sphere.